

Террор как идеологема (к истории развития) *

От легенды к легенде

Апелляция к античным примерам снова пришлось кстати. Но, как известно, традиция тираноборчества сформировалась гораздо позже — в эпоху ожесточенного соперничества папского Рима с королевскими династиями Европы. Представители светской власти посягали на прерогативу власти церковной, и в ответ авторитеты католичества — Фома Аквинский и Иоанн Солсберийский в XII—XIII веках обосновали правомочные убийства монархов подданными⁴⁴. Без богословского обоснования тут было не обойтись: по господствовавшей концепции, монарх и члены его семьи признавались фигурами сакральными, а покушение на их жизнь — преступлением еще более тяжким, нежели отцеубийство. Объявив монарха-тираном, попирающим законы Божеские и человеческие, церковь лишала его сакрального статуса. Следовательно, убийца оставался уголовным преступником, однако его действия не квалифицировались как преступления против церкви.

Доводы Фома Аквинский и Иоанн Солсберийский черпали преимущественно из сочинений Платона, Аристотеля, Цицерона. Соответственно, традиция монархотомии, сложившаяся как результат глобального процесса усвоения феодальной Европой классической культуры, была ориентирована на примеры образцовых героев-тираноборцев античности - Гармония и Аристокитона, Брута и Кассия.

К XVI веку идея монархотомии становится необычайно актуальной, это своего рода реакция на укрепление европейского абсолютизма. Представители различных конфессий и политических течений — иезуиты Ж. Буше, Хуан де Мариана, пресвитерианин Дж. Нокс, известный публицист-гугенот, Демонстративно избравший псевдоним «Юний Брут» (вероятно, Дюплесси-Морней соратник Генриха IV), и многие другие - соглашались, что убийство тирана вообще не преступление. Значит, казнящий нарушителя законов Божественных, человеческих и естественных - отнюдь не убийца, но страж законности, защитник справедливости.

Начало см № 6, 1994.

⁴⁴ О тиранотомии см., например, Трейман Р Тираноборцы, СПб., 1906; Ковалевский М. М. От прямого народоправства к правительству и от патриархальной монархии к парламентаризму. Т. 2. М., 1906; Гессен В.М. Проблема народного суверенитета в политической доктрине XVI века. СПб., 1913; см. также Одесский М.П., Фельдман Д.М., Поэтика террора. «Общественные науки и современность», 1992, № 2.

Юридический характер акта монархомахии подчеркивался использованием вполне определенной системы знаков: тирана следовало по античному образцу поразить ударом кинжала, причем убийца обязан был остаться на месте преступления. Восстанавливая законность, монархомах формально преступал закон, поскольку общество не уполномочило его быть судьей или палачом, однако он сознательно обрекал себя на гибель, дабы еще раз утвердить главный принцип: наказуемо всякое нарушение закона, кто бы и зачем бы его ни нарушал.

Согласно установкам монархомахии были «казнены», например, такие противники воинствующего католицизма, как Вильгельм Оранский (1584), Генрих III (1589) и Генрих IV (1610). Особенно показательна «казнь» Генриха IV: современники свидетельствуют, что убийца — школьный учитель Равальяк, прежде чем заколоть короля, увлеченно штудировал трактаты Буше, де Марианы, Григория Валенского. Практика шла вслед за теорией⁴⁵.

В XVII—XVIII веках идею тираноборчества пропагандировали знаменитый поэт Дж. Мильтон (сторонник Кромвеля), левеллер Э. Сексби (казненный Кромвелем), драматург В. Альфиери и др. Со временем религиозный критерий определения тирана отошел на второй план, да и для того, чтобы прослыть тираном, уже не нужно было носить корону. Обвинение выдвигалось против любого носителя власти, который по мнению кого-либо покушался на права соотечественников. Античная схема, например, отчетливо просматривается и в убийстве фаворита Карла I — герцога Букингема. Покушавшийся считал себя спасителем отечества, причем не без оснований: парламент, вступивший в противоборство с королем, объявил политику королевского фаворита враждебной народу, и, убивая герцога, тираноборец верил, что исполняет законный приговор. Букингом, предупрежденный о возможности покушения, отшутился: хотя древние авторы почитаются как никогда, — сказал он, — римлян уже не осталось⁴⁶. Герцог, зная «кинжальную» схему, полагал классические образцы недоступными для своих современников, но — ошибся...

Предложив интерпретировать процесс Людовика XVI в терминах тираноборчества, Сен-Жюст удачно сформулировал основную идею «революционного процесса»: право «восстания против тирании есть право личное, — рассуждал он, — весь державный народ не мог бы принудить и одного гражданина простить тирану». А потому, — требовал якобинский оратор, — «поспешите судить короля; ибо нет гражданина, который не имел бы на него такого же права, какое Брут имел на Цезаря»⁴⁷.

Сен-Жюст произвел нехитрую подмену: в роли монархомаха-одиночки, жертвующего собой и смертью своей искупающего нарушение закона, выступала нация в целом, народ, который неподсуден по определению. Прием был не нов. Еще в августе 1791 года, после попытки королевской семьи бежать из Парижа (тем самым лишив революционное правительство легитимной основы), группа радикалов, объединившихся в клуб «Кордельеры», объявила себя сторонниками республики и тираноубийцами⁴⁸.

Смысл понятия «тираноборчества» искажался ради решения сиюминутных политических задач. Однако большинство влиятельных радикалов сочли инициативу «кордельеров» несвоевременной, в связи с чем она так и осталась не более чем эффектной декларацией. Через полтора года ситуация сильно изменилась, и ранее отвергнутые терминологические новации пришлось кстати.

⁴⁵Erlanger Ph. L'etrange morte de Henry IV. Paris, 1957, p. 172.

⁴⁶ Цит. по: Rapport D. C Assassination and Terrorism. Toronto, 1971, p. 9.

⁴⁷ Б е р к о в а К. Н. Указ. соч., с. 50.

⁴⁸ Кропоткин П. А. Великая французская революция 1789-1793. М., 1979, с. 183.

С их помощью вопрос об ответственности Конвента — в качестве коллективного представителя французского народа — снимался раз и навсегда. Апробировался и новый алгоритм политического процесса: осуждения на смерть не за конкретные правонарушения, не в соответствии с существующими законами, а для конкретной цели — устрашения сограждан. Таким образом закладывались основы «революционного правосознания». Впоследствии алгоритм менялся, но основная идея оставалась той же: не «за что», а «зачем».

Казнь короля решалась и еще одна, пусть локальная, но весьма серьезная задача, угрожая «гневом народа», якобинцы потребовали поименного голосования при вынесении приговора и тем буквально «повязали кровью» весь Конвент, да и не только Конвент. Все голосовавшие за смерть, а также все, одобрявшие их решение, хотя бы и под угрозой «террора толпы», поставили свои жизни в зависимость от сохранения республики. Пути назад уже не было: предполагалось, что убийц и соучастников убийства монарха не пощадят в случае реставрации.

Бессилие добродетели

После завершения процесса Людовика XVI якобинцы не собирались останавливаться на достигнутом, желая максимально «радикализовать» систему судопроизводства, приспособить ее к нуждам террора в масштабах государства. Стратегические задачи здесь соответствовали тактическим: борьба за радикализацию судопроизводства — разумеется, революции ради — способствовала нагнетанию массовой истерии, необходимой для давления на жирондистов.

10 марта 1793 года Дантон требует в Конвенте немедленно создать Революционный трибунал для принятия «самых решительных мер» против контрреволюционеров. Как известно, термин «трибунал» в европейской юриспруденции обычно употреблялся по отношению к судам, наделенным чрезвычайными полномочиями или действующими в исключительных обстоятельствах. Не случайно в августе 1792 года победители — жирондисты и якобинцы — сформировали именно трибунал для расправы с защитниками свергнутого монарха: само название указывало на возможность нарушения буквы закона «в интересах нации». А если учесть, что определение «революционный» уже само по себе означало тогда «чрезвычайный», то благодаря дантоновским новациям «чрезвычайный суд» переименовывался в «чрезвычайно-чрезвычайный»⁴⁹.

Свое предложение один из самых популярных якобинских лидеров аргументировал так: «Спасение народа требует применения серьезных средств и чрезвычайных мер. Я не вижу середины между обычными формами судопроизводства и революционным трибуналом». Дантон пугал Конвент повторением «стихийной» резни, наподобие «сентябрьских убийств», чего, по его словам, удалось бы избежать и в 1792 году, если бы своевременно был учрежден Революционный трибунал, непосредственно выражающий волю народа. Мы, — призывал Дантон, — «будем сами применять террор, чтобы избавить народ от необходимости его применения; мы организуем трибунал не идеальный, ибо это недостижимо, но возможно менее несовершенный, чтобы меч закона висел над головой всех врагов». Идею Дантона реализовали; правда, по настоянию жирондистов трибунал

⁴⁹ Одесский М. П., Фельдман Д. М. Революция как идеологема (к истории формирования). «Общественные науки и современность», 1994, № 2.

⁵⁰ Документы истории Великой французской революции в 2-х томах. Т. I. М., 1990, с. 210.

все-таки не получил названия «Революционный» — надо же было хоть в чем-то возразить союзникам-конкурентам.

Почти одновременно с Дантоном другой идеолог террора — Марат — предложил реформировать не только судопроизводство, но и в целом управление государством, ориентируясь на превентивное устрашение. Он выдвинул идею формирования двух комитетов — «общей безопасности» и «общей обороны», — наделенных чрезвычайными полномочиями, главным образом карательного характера. Согласно Марату, ради спасения революции надлежало еще учредить и институт «заложничества», арестовывая «родственников, жен и детей» всех известных и потенциальных контрреволюционеров⁵¹. Таким образом, Друг народа предложил универсальную систему борьбы с врагами внешними и внутренними.

Вообще-то одна из организаций, о которых писал Марат, уже существовала с октября 1792 года — Комитет общественной безопасности, созданный совместно жирондистами и якобинцами. Вторая организация возникла сразу после предложения Марата, хотя и с несколько иным названием — Комитет общественного спасения. Потому, монополизировав власть в результате переворота 31 мая—2 июня 1793 года, якобинцы имели уже соответствующий механизм проведения «государственного террора». Не с нуля начинали. Именно это имел в виду И. Тэн, когда указывал: «Благодаря импровизированному террору якобинцы удержали свою нелегальную власть, благодаря затянувшемуся террору они установят свою легальную власть»⁵². Но если до переворота устрашаемы были представители соперничающей группировки в коалиционном правительстве, их сторонники и роялисты, то после — социум в целом.

Весьма важно, что к перевороту якобинцы шли под лозунгом скорейшего принятия новой, «истинно народной», конституции, обвиняя своих противников в злокозненном затягивании дела, ради которого, собственно, и был в 1792 году создан Национальный Конвент. Под давлением Парижской коммуны, угрожавшей, как водится, гневом вооруженного народа, Конвент постановил лишить жирондистов депутатской неприкосновенности и подвергнуть домашнему аресту, что и ознаменовало начало якобинской эпохи. Три недели спустя новая конституция была торжественно принята, затем утверждена посредством плебисцита, а через два месяца официально отменена в связи с введением «временного революционного управления», необходимого, по объяснению якобинцев, для спасения отечества в чрезвычайных обстоятельствах. Переход к диктатуре, базирующейся на «государственном терроре», завершился.

Подчеркнем: «государственный террор» проводился еще при коалиционном правительстве, потому дальнейшую интенсификацию превентивного устрашения не следует считать непосредственным результатом якобинского переворота. Обе соперничавшие группировки были «террористическими», что они успели доказать, действуя порознь. Якобинцы — в масштабах всей республики, а жирондисты — к примеру, в Лионе. Подняв там мятеж летом 1793 года, жирондисты сразу же начинают репрессивную кампанию, создав для этого именно Революционный Лионский трибунал. В данном случае характерно, что инструмент «террора» получает название, известное по эпохе союза с якобинцами, — у «террористов» общая терминология.

Наиболее четко суть излюбленного управленческого метода выразил Робеспьер в Конвенте 5 февраля (18 плувиоза) 1794 года. «Если,—объяснял

⁵¹ М а р а т Ж. П. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 3. М., 1956, с. 288.

⁵² Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. 3. СПб., 1907, с. 153.

он,— в мирное время орудием народного правления является добродетель, то во время революции орудием его является и добродетель, и террор одновременно: добродетель, без которой террор губителен, террор, без которого добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость; следовательно, он является проявлением добродетели, он не столько особый принцип, сколько вывод из общего принципа демократии, применяемого отечеством в крайней нужде»⁵³.

Легко заметить, что Неподкупный опирается на учение Монтескье об основополагающих государственных принципах, где для республики в качестве такового названа «добродетель», а для деспотии — «страх» или «террор». Однако интерпретировано это учение весьма вольно. Будучи, как отмечал Ж. Сорель, «строгим юристом, преисполненным сознания своего долга, озабоченным, как бы не уронить звания адвоката»⁵⁴, Робеспьер понимал, что тождественность «добродетели» и превентивного устрашения («террора») по меньшей мере не очевидна, а коль так, то и государственный строй, утверждаемый в якобинской Франции, трудно назвать республиканским. Противоречие снималось казуистически: террор — опора добродетели, а Франция — подлинная республика, вот только основополагающий государственный принцип ей приходится утверждать в экстремальных условиях (в «осажденной крепости»), чем и обусловлены все настоящие и будущие эксцессы. Тот же тезис отстаивает и Сен-Жюст в речи 15 апреля 1794 года: «Принципом республиканского правительства является добродетель, в противном случае — террор. Чего хотят те, кто не желает ни террора, ни добродетели?»⁵⁵. Понятно, что высказывание Робеспьера уже стало своего рода манифестом государственной политики превентивного устрашения.

Давая определение «террору», Неподкупный стремился сформулировать «теорию революционного правительства», которая не сводилась бы к положениям Монтескье, но была бы «так же нова, как и революция, ее породившая»⁵⁶. В привычных терминах бывший адвокат описал явление совершенно новое в государственной практике. Во-первых, отныне основой управления вообще и юстиции в частности становится превентивное устрашение, что открыто декларируется и реализуется. Во-вторых, для постоянного воспроизведения чрезвычайных условий непрерывно нагнетается «массовая истерия». Но это уже не «истерия неповиновения», как при «терроре толпы», а «истерия солидарности» с правительством — единственной защитой нации. Классическое выражение «государственный террор» получил, к примеру, в декрете Конвента о «подозрительных» (17 сентября 1793 года), согласно которому преступниками, подлежащими каре, объявлялись те, кто в силу происхождения или иных причин имел основания (даже не умысел) быть нелояльным⁵⁷.

Доктрина Робеспьера — свидетельство того, что идеологема «революция» осмыслялась уже не по «американской» модели (см. модели I и II).

⁵³ Робеспьер М. Революционная законность и право. Статьи и речи. М., 1959, с. 210.

⁵⁴ Sorrel G. Reflexions sur la violence. Paris, 1908, p. 146.

⁵⁵ Цит. по: Сироткин В. Г. Томас Карлейль и его труд «Французская революция. История» В кн. Карлейль Т. Французская революция..., с. 565.

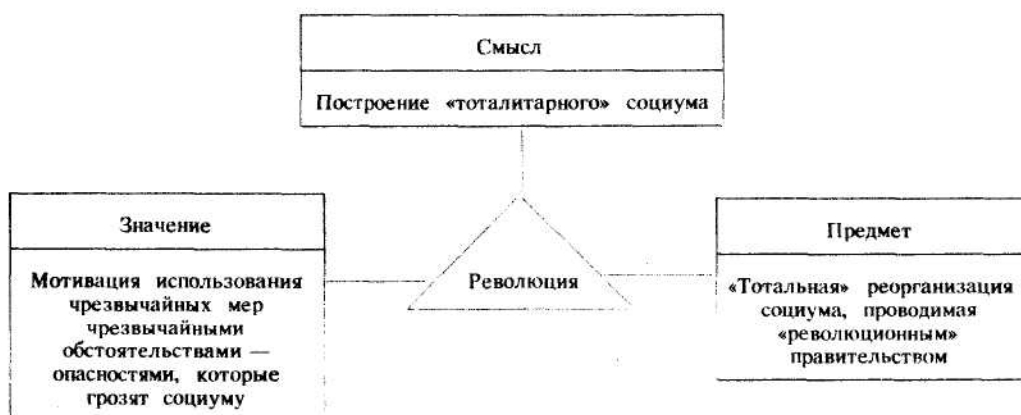
⁵⁶ Робеспьер М. Указ. соч., с. 194.

⁵⁷ Документы истории Великой французской революции. Т. 1, с. 265.

Модель I. 1789-й год

Модель II. 1793-й год

Технология устрашения

Созданный по инициативе Друга народа Комитет общественного спасения получил от Конвента неограниченную власть в соответствии с Декретом от 19 вандембера (10 октября 1793 года). Теперь маратовскому детищу подчинялись «министры, генералы и все учреждения», и даже главнокомандующие назначались Конвентом «по представлению Комитета общественного спасения». Указывалось также, что «всякая мера общественной безопасности» должна приниматься правительством «с утверждения Комитета»⁵⁸.

Предоставление столь широких полномочий обосновывалось чрезвычайными обстоятельствами: военным противостоянием революционной Франции — Австрии, Великобритании, Пруссии и другим странам первой коалиции. Эта идея выражалась в самом заглавии: «Декрет Конвента, устанавливающий во Франции временный революционный порядок управления впредь до заключения мира».

Текст строился на ключевой для «террористической» логики модели «осажденной крепости» — оправдание чрезвычайных мер чрезвычайными обстоя-

⁵⁸ Там же, с. 237—239.

тельствами, соответственно, и «революционный порядок управления» понимался как «чрезвычайный».

Решения Комитета общественного спасения реализовывал Комитет общественной безопасности, в задачи которого входили розыск и арест подозреваемых, а роль вершителя правосудия в этой схеме, изобретенной «террористами», отводилась трибуналу, который, наконец, по воле победителей стал «Революционным». Настаивая на этом названии, один из наиболее агрессивных якобинских лидеров — Ж. Н. Бийо-Варенн — писал в связи с процессом жирондистов: «Когда вы создали трибунал, долженствующий судить заговорщиков, то мятежная шайка, главные вожди которой понесут наказание, сообразное их преступлениям, прибегла ко всякого рода уговорам, для того чтобы этот трибунал получил название чрезвычайного трибунала: у них была своя цель — они хотели связать его формальной стороной дела. Но мы, делающие, чтобы он судил по-революционному, называем его „революционным“».

Формулируя основы «революционного правосудия», Бийо-Варенн призывал: «Проникнитесь той истиной, что заговорщики совершенно не оставляют материальных следов своих преступлений. Свидетели дают показания об отдельных фактах, но какая нужда в свидетелях при наличии заговора, засвидетельствованного всем народом?». Соответственно, трибуналу надлежало проявлять максимальную жестокость. «Вспомните,— буквально заклинал Бийо-Варенн,— слова Саллюстия: «При заговоре нельзя быть достаточно строгим». Слабость губит революцию»⁵⁹.

Трибунальские полномочия постоянно расширялись, и в итоге Декрет Конвента от 22 прериаля (10 июня 1794 года) предельно упростил судебную процедуру, сведя ее к чистой формальности. Объявлять «врагами народа», а значит, казнить, следовало всякого, «кто старается либо силой, либо хитростью посягнуть на народную свободу», в чем бы ни выразалось «посягательство». Равным образом казни подлежали все, «кто пытаются унизить или уничтожить Народный Конвент», а в качестве «унижения» Конвента можно было рассматривать все, что угодно. «Единственным руководством для вынесения приговора,— гласил Декрет,— должна быть совесть присяжных, просветленная любовью к отечеству; их целью является торжество Республики и гибель ее врагов»⁶⁰.

Примечательно, что этот Декрет принят, так сказать, на гребне очередной волны «массовой истерии», причем именно «истерии солидарности» с правительством. 1 прериаля (20 мая 1794 года) было совершено неудачное покушение на жизнь Робеспьера, а потому очередная волна репрессий объяснялась как бы волеизъявлением народа: «Если Большой Террор,— указывает Ж. Лефевр,— последовал за Декретом от 22 прериаля, то глубинные причины следует искать не в самом декрете и не в той практике, что он обусловил, а в возбужденном стремлении к возмездию, которое спровоцировало покушение», поскольку,— утверждает авторитетный французский историк,— именно так «всегда и происходило с 1789 года, когда распространился страх перед заговором аристократов»⁶¹.

Декрет окончательно избавил Революционный трибунал и от необходимости устанавливать факт преступления, и от исследования доказательств вины подсудимого. Если ранее *onus probandi* — «бремя доказывания» — возлагалось на обвинение, то теперь подсудимый должен был доказывать свою невиновность,

⁵⁹ Т а р л е Е. В. Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции. Т. 1. Пг., 1918, с. 110.

⁶⁰ Документы истории Великой французской революции. Т. 1, с. 275-277.

⁶¹ Lefebvre G. Etudes sur la Revolution Fransaise. Paris, 1954, p. 81.

к чему, кстати, и призывал Бийо-Варенн. Суть отношения «революционной юстиции» к «бремени доказывания» эффектно выразил Робеспьер: «Когда речь идет о спасении отечества, то доказательство, основанное на свидетельских показаниях, не может заменить свидетельство вселенной, а доказательство, основанное на документе,— саму очевидность»⁶². Следуя этой схеме, едва ли не каждого гражданина могли признать уличенным в «преступлении против революции», причем вне зависимости от тяжести преступления Революционный трибунал мог приговорить подсудимого к смертной казни. Располагая таким аппаратом, правительство использовало «террор» для решения практически любой проблемы.

Одной из самых актуальных считалась проблема продовольственного снабжения, в связи с чем еще в апреле 1793 года якобинец П. Н. Филиппо предлагал в Конвенте: «Прежде всего нам следует считать, что Франция в настоящем ее положении подобна осажденному городу и что все живущие в этой крепости обязаны по высшему долгу помогать друг другу, а тот, кто отказывается в подобном случае поделиться со своими братьями тем, что у него есть,— предатель, пособствующий вражеским козням. К такому недоброжелателю следует применять соответствующие обстоятельствам законы». В данном случае,— рассуждал Филиппо,— не пристало «разглагольствовать избитыми фразами о праве собственности, ибо речь идет о спасении всех осажденных. И что станется с этой собственностью, если успехи врага поведут к потере всего? Что же, перед лицом общей опасности пожертвовать всеми, подставить голову под топор врага и не воспротивиться алчности одного или нескольких членов нашего семейства?»⁶³.

Обосновав нуждами «осажденной крепости» необходимость грабежа вообще, Филиппо перечислил и конкретные меры: «Пусть административные органы получают право реквизировать съестное и доставлять его на рынки; пусть, дабы помешать пагубным действиям и спекулятивным действиям скупщиков, зерно продается только на общественных рынках; пусть благодаря этой исключительной мере там возродится изобилие и постепенно снизится цена на хлеб; пусть, дабы облегчить властям реквизиции, каждому земледельцу будет вменено в обязанность сообщать в канцелярию своего муниципалитета точный перечень продуктов питания, которыми он располагает», ну а всякий «уклонившийся от требований органов народной власти и тот, кто подаст неверные сведения, понесут наказание путем конфискации имущества и даже поражения в правах как враги отечества». Весьма перспективным нововведением было и упомянутое Филиппо в той же речи установление твердых цен — «максимума» — на «товары первой необходимости», т. е. прежде всего на продовольствие: никто под страхом наказания не имел права не только продавать, но и покупать по цене, выше правительственной.

Все эти предложения вскоре были реализованы в соответствующих правительственных актах, непосредственно же реквизиции проводились подразделениями так называемой «Революционной армии», созданной согласно Декрету от 5 сентября 1793 года⁶⁴. По сути, это была не армия (хоть декрет предусматривал даже наличие артиллерии), а организованные на военный манер отряды горожан-добровольцев, причем главным их оружием был страх крестьян перед беспощадным Революционным трибуналом.

Вопросы обеспечения сельского хозяйства дополнительной рабочей силой также предполагалось решать директивно — посредством некоего подобия рекрутских наборов, виновные в уклонении от которых подлежали суду

⁶² Робеспьер М. Указ. соч., с. 211.

⁶³ Документы истории Великой французской революции. Т. 2. М., 1992, с. 92.

⁶⁴ Там же, с. 121.

Формы террора	Смысл	Значение	Механизм
«Террор толпы»	Управление посредством устрашения	«Истерия неповиновения»	Восстание, погромы
«Государственный террор»		«Истерия солидарности»	Государственные репрессии

Революционного трибунала (Постановление Комитета общественного спасения от 30 мая 1794 года), а возможности избавления от финансовых проблем правительство видело в добровольно-принудительных государственных займах (Декрет Конвента от 3—7 сентября 1794 года)⁶⁵. Аналогичным был и подход к проблеме обеспечения армии, в частности снабжения сукном. Согласно специально принятому декрету, «всякий гражданин, владеющий синими и голубыми плащами», обязывался «сдать их муниципалитету той местности, где он находится», в противном случае он подлежал смертной казни, а его родственники приравнивались к «подозрительным»⁶⁶. Это, собственно, и было реализацией маратовской идеи о «заложничестве».

Пожалуй, главную управленческую установку якобинцев наилучшим образом сформулировал «финансовый гений» Комитета общественного спасения П. Ж. Камбон: «Хотите ли вы заниматься своими делами? Гильотинируйте! Хотите ли вы оплачивать необъятные расходы ваших армий? Гильотинируйте! Хотите ли вы выдержать неоплатные долги, которые вами сделаны? Гильотинируйте! Гильотинируйте!»⁶⁷.

Механизм «государственного террора» был отлажен: «массовая истерия» постоянно нагнеталась правительством, соответственно, увеличивался и размах репрессий, что, в свою очередь, способствовало нагнетанию «массовой истерии» и т. п. Таким образом, сложился универсальный алгоритм управления социумом «тоталитарного» типа. Любые задачи — кардинальные (удержание власти правящей группировкой) и локальные (снабжение) — решались посредством превентивного устрашения. Нагляднее представить сказанное помогает таблица.

В последующем теория и практика террора повлекли за собой формирование соответствующей символики и мифологии, что составляет предмет специального исследования.

⁶⁵ Там же, с. 121-128, 131-133.

⁶⁶ Цит. по: Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. 4. СПб., 1907, с 39-40.

⁶⁷ Цит. по: Leroy M. Histoire des idées Sociales en France: De Montesquieu a Robespierre. Paris, 1946, p. 312.